

Синкретические образы в восточноевропейском скифском зверином стиле: статистические показатели и базовые иконографические тенденции

Аннотация: Скифо-сибирский звериный стиль VII – начала III в. до н. э., составляющий, наряду с вооружением и конским снаряжением, знаменитую «скифскую триаду», – это особое художественное направление в древнем прикладном зооморфном искусстве, характеризующееся стабильным набором животных персонажей, отображаемых в строго определенных позах и композициях, с использованием особых приемов моделирования деталей. Одним из важнейших компонентов репертуара являются синкретические образы – грифоны и иные зооморфные существа, образованные из различных элементов реальных животных в фантастических сочетаниях. Настоящая статья отражает результаты изучения массива синкретических изображений (201 оригинальное изображение, не считая копий), созданных в пределах восточноевропейского скифского звериного стиля, соотносимого с регионом скифской археологической культуры и являющегося одним из локальных вариантов скифо-сибирского звериного стиля. Статья представляет основные результаты образно-видовой классификации, сюжетно-стилистической типологии и статистического анализа мегаобраза синкретических (фантастических) животных. Исследование показало, что изображения синкретических животных составляют почти десятую часть от общего массива оригинальных изображений восточноевропейского скифского звериного стиля. В сравнении с тремя другими мегаобразами скифского звериного стиля – птицами, копытными и хищными зверями – для стилистической разработки темы синкретических существ в меньшей мере характерны морфологическая стандартизация и канонизация. Основу мегаобраза синтетических существ составляют изображения грифонов ранне- и позднегреческого типа и их местные модификации. Тема грифона, пришедшая в скифский звериный стиль из древнегреческого и переднеазиатского (ассиро-урартского, хеттского и, позднее, ахеменидского) искусства, оказалась в чистом виде недостаточно популярной в скифской среде и часто замещалась близкими, но не тождественными синкретическими образами, очевидно, более соответствующими местной идеологии.

Annotation: The Scythian-Siberian zoomorphic style from the VIIth – beginning of the IIIrd century B. C., being part of the “Scythian triad” along with armor and horse equipment, presents a particular artistic direction of applied zoomorphic art, characterized by a stable set of animal figures depicted in strictly defined poses and compositions, and using special detail modelling techniques. Some of the most important elements of this repertory are the syncretic figures: griffins and other zoomorphic creatures formed from different elements of real animals in fantastic combinations. This article is based on a study of a wide array of syncretic figures (201 objects in original, not including copies) made in Eastern European Scythian animal style, correlated with the region of Scythian archaeological culture and being one of the local variants of the Scythian-Siberian zoomorphic style. The author presents the main results of an image-figurative classification, subject-stylistic typology and statistical analysis of the mega-form of syncretic (fantastic) animals. The research shows that the figures of syncretic animals compose almost a tenth of the whole set of original figures of Eastern European Scythian animal style. Compared to the three other Scythian animal mega-forms – birds, hoofed and predatory animals – syncretic creatures had less morphological standardization and calibration for stylistic elaboration. The basis for the mega-form of syncretic creatures consists of figures of Early and Late Greek-type griffins and their local modifications. The theme of the griffin, which came into Scythian art through Ancient Greek and Near Eastern (Assyrian-Urartian, Hittite, and, later, Achaemenid) art, in its bare form was not enough popular in the Scythian culture and was often replaced with a similar, yet not identical syncretic figures, clearly, corresponding better to the local ideology.

Ключевые слова: археология, скифский звериный стиль, скифская археологическая культура, история скифского искусства, репертуар, синкретические образы, грифон, статистика изображений, классификация, иконография.

Key Words: archaeology, Scythian animal art style, Scythian archaeological culture, history of Scythian art, repertory, syncretic figures, griffin, figural statistics, iconographical classification.

...За столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

А. С. Пушкин,
Евгений Онегин, глава V, строфа XVI

Одним из важнейших компонентов репертуара искусства скифо-сибирского звериного стиля являются синкретические образы – грифоны и иные зооморфные существа, образованные из различных элементов реальных животных в фантастических сочетаниях. Настоящая статья отражает результаты классификации, статистического и стилистического анализа массива синкретических изображений, созданных в рамках одного из локальных вариантов данного художественного направления – в пределах восточноевропейского скифского звериного стиля, соотносимого с регионом скифской археологической культуры и соответственно включающего территории Среднего Поднепровья, Среднего Подонья, степного Северного Причерноморья и Приазовья, а также Северного Кавказа (Прикубанье и Центральное Предкавказье, включая Ставрополье). Анализируемые показатели являются частью более общего исследования, предпринятого автором в отношении скифского искусства: именно, нами были собраны и изучены все опубликованные до 2012 года (включительно) изображения, выполненные в канонах скифо-сибирского звериного стиля и происходящие с территории скифской археологической культуры¹. В ходе проведенного исследования были осуществлены образная и сюжетная классификация и морфологическая типология этого массива изображений.

Критерием идентификации изображений зооморфных как принадлежащих к художественному направлению скифо-сибирского звериного стиля послужили три нижеперечисленные группы диагностических признаков, предложенные нами с учетом более чем 100-летней традиции изучения скифского

¹ По возможности учтены и публикации 2013 года. Кроме того, в состав источника вошел и ряд неопубликованных изображений, являющихся результатом раскопок автора или же раскопок, соавтором которых он является.

звериного стиля, в ходе которой сложились основы современных представлений об отличительных чертах этого искусства (см. Канторович, 2014, с. 156-161):

- 1) специфические пропорции животного – преувеличенность определенных частей тела (в ущерб остальным): глаз, пасти, ноздрей, ушей, лопатки, бедра; кроме того, гипертрофированность рогов и копыт – у копытных, зубов и когтей – у хищников, клюва и крыльев – у птиц, всех вышеперечисленных деталей (при их наличии) – у синкретических животных;
- 2) акцентирование определенных анатомических деталей (таких, как глаз, рог, лопатка, плечо, бедро, копыто или лапа) посредством рельефа, линейного обрамления, намеренной геометризации и/или «зооморфного превращения» этой детали, т. е. трансформации в другой зооморфный мотив;
- 3) специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору поз, строго определенному для той или иной группы образов.

При этом для полнофигурного изображения необходимо наличие всех трех признаков, для намеренно редуцированного – достаточно первых двух.

В соответствии с вышеуказанными критериями из общего массива зооморфных изображений, известных на территории скифской археологической культуры, было отобрано 2169 оригинальных изображений. Это количество установлено без учета копий, поскольку их включение в общую статистику исказило бы реальную картину; в качестве одной статистической единицы рассматривались и зеркальные изображения; учитывались также элементы «зооморфных превращений»².

Графическое отражение образно-видовой классификации репертуара восточноевропейского скифского звериного стиля составляет табл. 1. Статистика оригинальных изображений и образуемых ими морфологических типов представлена в табл. 2.

² Принципы идентификации и подсчета элементов «зооморфных превращений» обоснованы в специальной работе автора, посвященной характеристике этого художественного приема, чрезвычайно популярного в скифском зверином стиле (Канторович А. Р. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1 / Ред. А. В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2002. С. 77-130).

Табл. 1. Классификация изображений в восточноевропейском скифском зверином стиле. Уровни образно-видового дифференцирования (I, II) и дальнейшего разделения по степени воплощения образа (III)

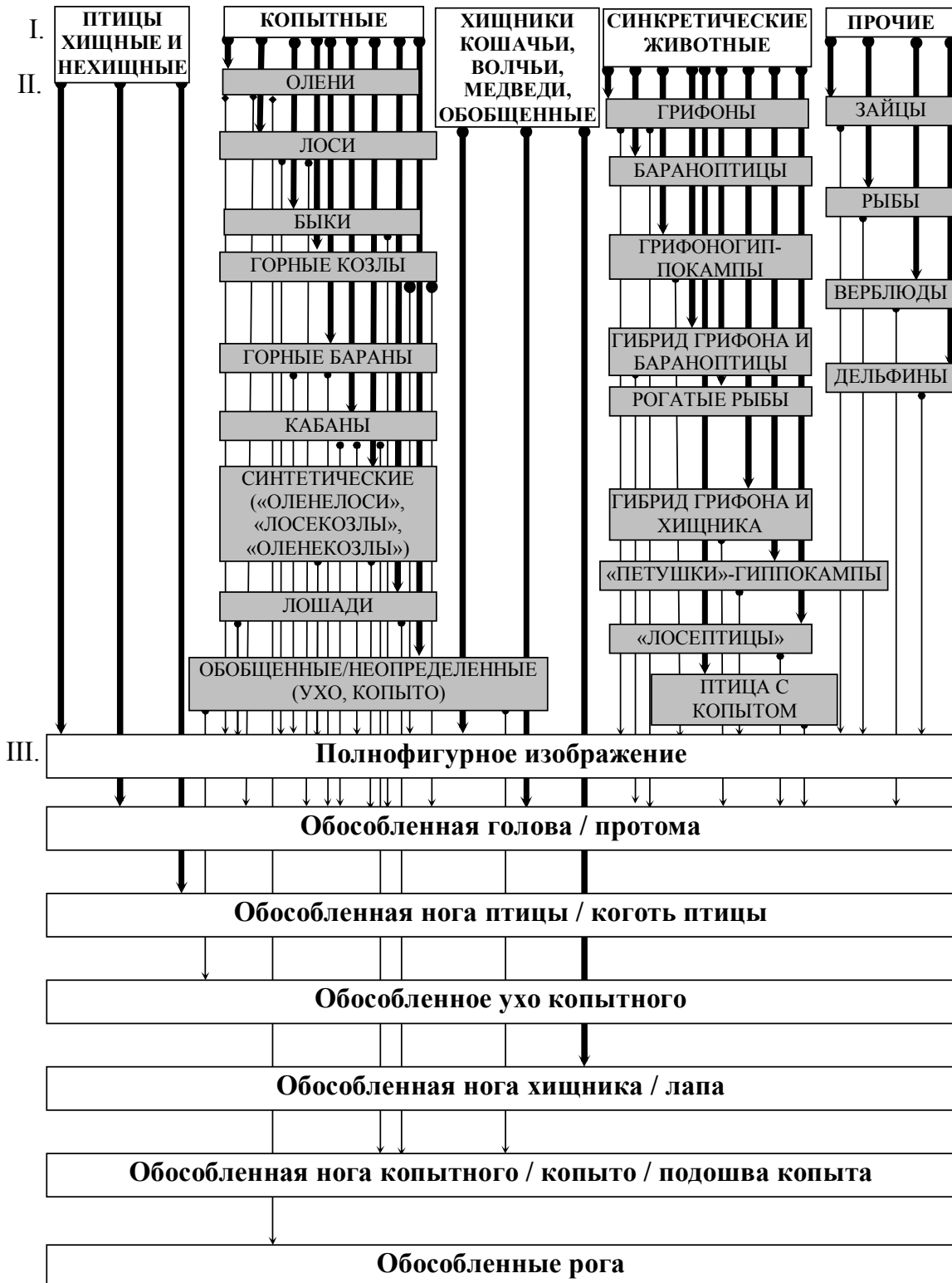

Табл. 2. Статистика репертуара и морфологических типов изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (указано количество оригинальных изображений, без учета копий)

Образно-видовая принадлежность изображений	Количество оригинальных изображений и доля, %	Количество морфологических типов и доля, %
Хищники	581 (26,78%) (полнофигурных – 241, редуцированных – 340)	106 (31,5%)
Копытные, в том числе:	781 (36,00%)	124 (36,9%)
Олени	261 (полнофигурных – 127, редуцированных – 134)	42
Лоси	88 (полнофигурных – 19, редуцированных – 69)	17
Горные козлы	51	12
Бараны	78	10
Лошади	107 (полнофигурных – 5, редуцированных – 102)	13
Быки	3	1
Кабаны	36 (полнофигурных – 9, редуцированных – 27)	14
«Оленелоси»	12	3
«Лосекозлы»	16	1
«Оленекозлы»	19	1
Обособленное ухо копытного	24	2
Обособленная нога копытного / копыто	86	10
Птицы	549 (25,31%) (полнофигурных – 84, редуцированных – 465)	55 (16,4%)
Синкретические животные, в том числе:	201 (9,26%)	42 (12,5%)
Грифоны и крылатые львы	96 (полнофигурных – 53, редуцированных – 43)	30
Бараноптицы	48	2
Гибрид грифона и бараноптицы	1	1
Гибрид грифона и кошачьего хищника – тупорылый зверь	9	1
Гиппокампы, грифоногиппокампы и «петушки»	25	4
«Лосептица»	13	1
Комбинация элементов птицы и неопределенного копытного	8	2
Рогатая рыба	1	1
Зайцы	20 (0,92%)	3 (0,9%)
Верблюды	6 (0,27%)	1 (0,3%)
Дельфины	4 (0,18%)	2 (0,6%)
Рыбы	27 (1,24%)	3 (0,9%)
ИТОГО	2169 (100%)	336 (100%)

Эти показатели свидетельствуют о том, что современное состояние археологического источника с учетом его постоянного прироста подтверждает давно сложившееся в науке представление об абсолютном господстве четырех мегаобразов в репертуаре скифо-сибирского звериного стиля, а именно: хищников, копытных,

птиц и синкретических животных. Совокупная доля этих четырех мегаобразов в общем массиве восточноевропейского скифского звериного стиля составляет 97,37% (2112 оригинальных изображений). При этом доля изображений синкретических существ (201 изображение, 9,26%) в общем массиве существенно меньше, нежели

доля изображений остальных трех мегаобразов – копытных (781 изображение, т. е. 36,00%), хищников (581 изображение, 26,78%) и птиц (549 изображений, 25,31%). Однако нельзя не учитывать, что многие изображения копытных и хищников также синтезируют в себе черты животных других видов, но преимущественно в виде элементов «зооморфных превращений».

Как видно из таблиц 1 и 2, в рамках мегаобраза синкретических существ представлены различные темы, но абсолютно преобладают два образа, составляющие в сумме более двух третей от общего количества синкретических изображений: грифоны, включая крылатых львов (96 изображений, 47,76%), и бараноптицы/грифобараны (48 изображений, 23,88%).

Весь массив синкретических изображений (201) распределяется по 42 типам (табл. 2), т. е. в среднем на один тип приходится 4,78 изображения (для сравнения: у хищников на каждый тип приходится в среднем 5,48 изображения, у копытных – 6,29, у птиц – 9,98). Следовательно, в отношении синкретических образов мы наблюдаем наибольшее количество типов в соотношении с количеством оригинальных изображений, что свидетельствует о стилистической эклектичности в рамках данного мегаобраза.

Еще более значителен этот показатель в рамках образа грифона: 96 оригинальных изображений – в том числе 53 полнофигурных и 44 редуцированных (голова, протомы) – в совокупности формируют 30 типов, т. е. в среднем на один тип приходится 3,2 изображения. Как мы увидим, это объясняется отсутствием устойчивых господствующих тенденций в разработке образа грифона, поскольку он сам по себе является внешним для скифской художественной системы.

При этом для атрибуции синкретических изображений как представляющих именно тему грифона нами были приняты следующие критерии: наличие таких необходимых компонентов, как анатомические элементы птицы (голова, крылья, иногда ноги) и хищного зверя, чаще семейства кошачьих (туловище, ноги, уши, которые могут быть острыми и длинными, как у волчьих хищников, – ср. ниже грифоны у Эсхила, а также хвост), а для определенного периода (V–IV вв. до н. э.) – и элементы рептилии (чешуя, перепончатый гребень – так называемый грифон позднегреческого типа). Именно этим признакам соответствует понятие «грифон» в современной исторической науке, в филологии

и в искусствоведении с опорой на длительную письменную традицию.

Как таковой термин «гриф/грифон» восходит, как известно, к древнегреческой письменной традиции – при том, что ряд исследователей связывают этимологические корни греческого термина с ассирийским и древнееврейским языками³. Безусловные упоминания о грифах/грифонах встречаются уже в текстах V в. до н. э. В «Прикованном Прометее» Эсхила они характеризуются как остроклювые молчаливые собаки Зевса (Aeschyl. Prom., 803–804 ff). В «Истории» Геродота (со ссылкой на поэму Аристея Проконнеского «Аримаспея») грифы описываются как чудовища, которые стерегут золото на севере Европы и сражаются за него с одноглазыми аримаспами; в других пассажах, уже вне связи с Аристеем, «отец истории» сообщает, что беломраморные статуи грифонов украшали дворец царя Скила в Ольвии, а медные головы – венец кратера, отлитого жителями о. Самос для святилища Геры (Hdt., III, 116; IV, 13–14, 27, 79, 152). Возможно, этот термин употреблялся древнегреческими авторами и ранее – в конце VIII–VII вв. до н. э. Во всяком случае, как отмечал еще А. Фуртвэнглер, в схолиях к Эсхилу содержится указание на то, что о грифонах упоминал уже Гесиод⁴.

Как известно, в научной литературе в системе скифского звериного стиля выделяются несколько иконографических типов, или канонов, грифонов: раннегреческий, ориентализирующий (переднеазиатский), «скифский грифон» (эти три типа выделены Н. Н. Погребовой⁵), грифон ахеменидского типа и позднегреческий грифон.

Все эти грифоны, кроме «скифского», имеют туловище кошачьего хищника, как правило, льва, в сочетании с анатомическими элементами птицы – это всегда крылья и, в ряде случаев, голова хищной птицы.

³ См., например: Furtwängler A. Gryps // Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig, 1886–1890. Spalte 1742; Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, VII Band. Stuttgart, 1912. Spalte 1903–1904.

⁴ Furtwängler A. Gryps. Sp.1768; Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Sp.1903–1904. См. подробнее о терминах «гриф» и «грифон», о проблеме идентификации грифона и об иконографии грифона в раннескифском зверином стиле: Канторович А. Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. Труды ГИМ. Вып. 191 / Ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М., 2012. С. 106–133.

⁵ Погребова Н. Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК, XXII, 1948. С. 62.

«Ориентализирующий, переднеазиатский грифон» – это монстр с гребнем, идущим вдоль всей шеи до темени и завершающимся завитком, рот его чаще закрыт или полузакрыт.

Отличительными чертами грифона раннегреческого типа являются раскрытая пасть и высунутый язык, вертикально торчащие уши и, как правило, наличие шишковидного выступа-рога на темени при отсутствии гребня, характерного, напротив, для грифонов ассиро-урартского, хеттского и позднегреческого типов.

Позднегреческий грифон – орлиноголовый монстр с телом кошачьего и ушами волчьего хищника, с длинным перепончатым гребнем.

Грифон ахеменидского (греко-персидского) типа – лев с крыльями и козлиными рогами⁶.

Наконец, «скифский грифон», как признает Н. Н. Погребова, «в большинстве случаев оказывается просто головой хищной птицы», порой, однако, имеющей ухо; оно появилось в структуре этого образа, как полагает Н. Н. Погребова, прежде всего как подражание иконографии грифона⁷. Однако такого рода головы могли быть денотатами не хищников с птичьими крыльями и птичьей головой, а именно птиц, но наделенных ушами, что нереально с точки зрения биологии, но встречается в искусстве скифо-сибирского звериного стиля⁸. Соответственно данные изображения учитывались нами в рамках образа птицы и дополнили соответствующую статистическую рубрику, поскольку, при всей их фантастичности, они примыкают к теме птицы, а не собственно грифона в его изначальном мифологическом понимании.

Остальные иконографические типы грифона, очевидно, подвергались в скифском зверином стиле существенной корректировке, отступая от своих инокультурных эталонов. Поэтому к образу грифона нами были отнесены и были учтены в той же рубрике изображения крылатого кошачьего хищника, выходящие за рамки вышеперечисленных устоявшихся иконографических типов грифона, но удовлетворяющие необходимому признаку грифона – комбинации элементов хищного зверя и птицы.

⁶ Azarpay G. Some classical and Near Eastern motives in the art of Pazyryk // *Artibus Asiae*, XXII, 4. 1959. P. 326.

⁷ Погребова Н. Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. С. 66-67.

⁸ См. подробнее: Канторович А. Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. С. 121-122, рис. 12.

Изначально иконографические корни грифона-птицезверя, как известно, отсутствуют в предскифском горизонте древностей степей Евразии конца II – начала I тыс. до н. э. Поскольку же наиболее ранние случаи отображения грифона-птицезверя в скифо-сибирском зверином стиле связаны именно с его восточноевропейским локальным вариантом (в памятниках VII в. до н. э.), то данная тема могла возникнуть здесь только под переднеазиатским и греко-ионийским влиянием, а в конечном счете – на базе долговременной переднеазиатской традиции образов монстров, сочетающих черты кошачьего хищника и птицы; эта традиция – гораздо более ранняя, чем греческая, и, как считает большинство исследователей, первичная по отношению к ней⁹.

В поисках истоков образа грифона в скифо-сибирском зверином стиле следует учитывать и природные прототипы, к которым в первую очередь следует отнести черного грифа (*Aegypius monachus*), обитающего в предгорьях и горах Центральной Азии, Средней Азии, Кавказа, Крыма и Северной Африки¹⁰; во вторую очередь такими прототипами могли быть особи рода типичных орлов (*Aquila*) – беркуты (*Aquila chrysaetus*)¹¹, степные орлы (*Aquila rapax*) и т. д. – в рамках того же семейства ястребиных, к которому относятся и настоящие грифы¹²; наконец, отправной точкой могли послужить и другие ястребины¹³.

Каковы же основные иконографические тенденции в реализации вышеперечисленных иконографических канонных грифонов в восточноевропейском скифском зверином стиле?

«Ориентализирующий», переднеазиатский грифон, по сути, не нашел отражения в собственно скифском зверином стиле, хотя встречается в своем оригинальном стилистическом воплощении на ряде знаковых для скифской культуры предметов. Таковы, например, орлиноголовые антропоморфные четвероногие и двурукие существа, стреляющие из луков на золотых обкладках ножен мечей из Мельгуновского кургана¹⁴

⁹ См. подробнее: Канторович А. Р. К вопросу об истоках и вариациях... С. 110-112, рис. 4, 5.

¹⁰ Жизнь животных в 6 томах. Т. 5: Птицы / Ред. Н. А. Гладков, А. В. Михеев. М.: Просвещение, 1970. С. 182.

¹¹ Полосьмак Н. В. Стерегущие золото грифы (Ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. С. 8.

¹² Жизнь животных в 6 томах. Т. 5: Птицы. С. 173-177, рис. 86, 87, табл. 20.

¹³ Канторович А. Р. К вопросу об истоках и вариациях... С. 109, рис. 2, 3.

¹⁴ Граков Б. Н. Скифы. М.: Изд-во Московского университета, 1971. Табл. XXV.

и кургана № 1/Ш Келермесской группы¹⁵, на что уже было указано Н. Н. Погребовой¹⁶. Однако эти изображения, как представляется, находятся вне канонов скифского звериного стиля, оставаясь в системе переднеазиатского, прежде всего ассири-урартского, искусства. Вероятно, тема «ориентализирующего» грифона не проникла в скифский звериный стиль в связи с семантической детерминированностью этого мотива определенной мифологической традицией (о чем свидетельствует его усложненность), что не оставляло возможностей для новых интерпретаций в местном духе.

Тема **раннегреческого (ионийского) грифона** в восточноевропейском скифском зверином стиле возникает не позднее середины VII в. до н. э. – сначала в редуцированном воплощении (головы и шеи, оформляющие бронзовые навершия ритуальных шестов), затем – в полнофигурном (на золотых бляшках).

При этом в основном образ полнофигурного орлиноголового грифона раннегреческого типа, как и тема «ориентализирующего» грифона, присутствуя на некоторых вещах из памятников скифского круга, не несет в себе каких-либо черт собственно скифского звериного стиля. Именно таковы изображения из Келермесских курганов №№ 3/Ш, 4/Ш – два на серебряном (с электровой обкладкой) зеркале и еще два – на серебряном позолоченном ритоне¹⁷. Данные предметы – импортные; они изготовлены, скорее всего, в Малой Азии, в греко-ионийской и лидийской среде, хотя нельзя исключать, пусть и с меньшей вероятностью, их производство где-то в другом месте по заказу скифского вождя – но опять-таки малоазийскими мастерами¹⁸.

Элементы собственно скифского звериного стиля свойственны лишь одному оригинальному полнофигурному изображению грифона раннегреческого типа – это серия золотых нашивных бляшек 2-й пол. VII в. до н. э. из кургана Перепятыха у с. Марьяновка на Среднем Днепре¹⁹ (рис. 1, 1). При всем иконографиче-

ском сходстве с греко-ионийскими грифонами на Келермесском зеркале, перепятыхинский грифон более схематичный и гротескный и отличается невнятно переданным незагнутым языком в полуприкрытой пасти, геометризованными ухом, холкой, шейной складкой и крылом, гипертрофированными лапами и кончиком хвоста. Вместо малопонятого для местных мастеров шишки-рога раннегреческих грифонов или завитка переднеазиатских грифонов на темени монстра из Перепятыхи изображен кружок – очевидное следствие геометризации образа в скифской среде.

Появление вышеуказанной полнофигурной трактовки грифона раннегреческого типа в скифском искусстве можно объяснять как заимствованиями из греческого искусства, так и прямым влиянием переднеазиатских первообразов (ср. Скорый, 1990, с. 65, рис. 10, 1-3), поскольку сам по себе раннегреческий (ионийский) грифон своими корнями, несомненно, уходит в переднеазиатское искусство – в первую очередь в ассирийское, урартское и хеттское²⁰.

Если тема **грифона раннегреческого типа** в полнофигурной трактовке в основном чужда скифскому искусству, то в редуцированном виде этот мотив, напротив, органично интегрирован в скифскую изобразительную систему. Как уже сказано, это скульптурные головы и шеи (5 оригинальных изображений), оформляющие бронзовые шумящие навершия ритуальных шестов 2-й пол. VII в. до н. э., происходящие с территории Ставрополя и Прикубанья (рис. 1, 2). Несомненно, главный источник изображений данного типа – многочисленные протомы грифона со стержневидным и шишковидным выступом на темени на бронзовых атташах греческих бронзовых котлов VII в. до н. э.²¹ При этом налицо симбиоз греческой и скифской традиций, о чем говорит оформление изделий скифского ритуала – наверший-бубенцов, совершенно не свойственных греческой культуре того времени, – в виде грифона раннегреческого типа²².

Тема **позднегреческого грифона**, сообразно времени появления этого мотива в греческом

¹⁵ Галанина Л. К. Келермесские курганы (Степные народы Евразии, 1). М.: Палеограф, 1997. Табл. 9, кат. 1.

¹⁶ Погребова Н. Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК, XXII, 1948. С. 62, 65-66.

¹⁷ Галанина Л. К. Келермесские курганы. Табл. 1, кат. 52; табл. 38, 39, кат. 41.

¹⁸ Кисель В. А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб, 2003. Петербургское востоковедение. С. 52-56, 85-99.

¹⁹ Подробный анализ изображений и характеристику комплекса см. в монографической публикации: Скорый С. А. Курганы Перепятыха (до этнокультурной истории Днепровского

Лісостепоного Правобережжя). К.: Наукова думка, 1990. С. 38-43, фото 7, 1, 7, 2-5, 8, 1-4.

²⁰ Канторович А. Р. К вопросу об истоках и вариациях... С. 112-113, рис. 5.

²¹ См. подробнее: Канторович А. Р. К вопросу об истоках и вариациях... С. 117-120, рис. 9, 10.

²² Канторович А. Р. К вопросу об истоках и вариациях... С. 117-120, рис. 10.

искусстве, проникает в восточноевропейский скифский звериный стиль в эпоху «скифской классики» – в V–IV вв. до н. э. Помимо собственно греческой репродукции этого мотива на целом ряде вещей, сделанных специально для скифов (таких, как пектораль из Толстой могилы), но без какого бы то ни было элемента скифского звериного стиля, имеется целый ряд спорадических и узколокальных вариаций позднегреческого орлиноголового грифона, выполненных в скифской стилистике.

Во-первых, это ряд типов «иконографически выверенного» орлиноголового грифона с рудиментарным гребнем, выполненного с характерной для скифского искусства схематизацией, геометризацией и акцентированием определенных элементов. Всего насчитывается 25 оригинальных полнофигурных изображений, объединяемых в 6 морфологических типов, в основном локальных, но в совокупности покрывающих большую часть ареала восточноевропейского скифского звериного стиля – территории Нижнего Поднепровья и Приазовья, Среднего Поднепровья, Среднего Подонья, Прикубанья и Крыма (рис. 2). Эти изображения в основном оформляют или украшают аксессуары одежды – золотые нашивные бляшки, пластины, ленты головного убора, реже – бронзовые навершия ритуальных шестов, золотые обкладки ножен мечей и обивки горита, золотые конские налобники и золотые обивки деревянных сосудов.

Во-вторых, это различные гибриды кошачьего хищника и птицы, в том числе с элементами копытного. Это может быть кошачий хищник (преимущественно лев) с крыльями – 4 морфологических типа, 6 изображений, в совокупности происходящих с территории Прикубанья и Крыма и оформляющих бронзовые псалии, бронзовые конские налобники и золотые нашивные бляшки (рис. 3, 2, 7-9), кошачий хищник с мордой в виде загнутого клюва, но без крыльев – 1 тип, 1 изображение из Прикубанья, оформляющее бронзовый псалий (рис. 3, 1), крылатый кошачий хищник с клювовидными загнутыми вниз челюстями – 1 тип, 1 изображение из Прикубанья, оформляющее бронзовый конский налобник (рис. 3, 3), крылатый кошачий хищник с рогами лося, лани или оленя – 1 тип, 2 изображения из Прикубанья, оформляющие бронзовые конские налобники (рис. 3, 5, 6), бескрылый кошачий хищник с клювовидными загнутыми вниз челюстями и прямым рогом, загнутым

на конце, – 1 тип, 2 изображения из Среднего Поднепровья и Среднего Подонья, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (рис. 3, 4). Думается, что эти образы в той или иной мере производны от иконографии грифона позднегреческого типа или находятся на грани этого мотива с мотивом грифона ахеменидского типа.

Что касается канона **ахеменидского грифона**, его модификации также встречаются, хотя и редко, в восточноевропейском скифском зверином стиле. Такие вариации известны в V – начале III в. до н. э. В одном случае это происходящий с территорий Среднего Поднепровья, Среднего Подонья и Нижнего Поднепровья единый морфологический тип изображений (4 изображения) кошачьего хищника с крыльями, с бородой козла, с бычьими (рис. 4, 1) или козлиными (рис. 4, 2) рогами. Они украшают бронзовые уздечные бляхи, бронзовые навершия ритуальных шестов и золотую пластину. В другом случае это происходящий с территории Нижнего Поднепровья и Прикубанья единый тип изображений (4 изображения) на золотых нашивных бляшках, представляющий стоящих на задних лапах и геральдически сопоставленных львов с крыльями и рудиментарным козлиным рогом (рис. 4, 3). Наконец, выявляется тип изображений (2 изображения), происходящих с территории Прикубанья и Крыма и представляющих крылатых существ с туловищем и ногами хищника, с головой козла (рис. 4, 4), оформляющих навершия золотой булавки и золотые нашивные бляшки.

Тему грифона так или иначе реализует ряд редуцированных изображений синкретических существ, т. е. обособленные головы, погрудные изображения и протомы. Это, во-первых, морфологический тип короткоголовых грифонов с мордой, похожей на морду кошачьего хищника, но с клювовидно загнутой верхней челюстью и хохолком-гребнем на темени. К данному типу относятся 5 изображений кон. VI–V в. до н. э., происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Побужья, оформляющих бронзовые уздечные бляхи (рис. 5, 2). Возможно, этот изобразительный тип отражает начало влияния иконографии позднегреческого грифона на скифский звериный стиль, но не следует исключать, что головы этого типа могли сформироваться в собственно скифской среде – на основе характерных для скифского искусства профильных голов львов и иных хищников с контаминацией их с местным образом птицы.

В дальнейшем тематическая линия позднегреческого грифона может закрепляться в протомах орлиноголового грифона с гребнем – 1 морфологический тип, 6 изображений 2-й пол. V – IV вв. до н. э., происходящих с территории Нижнего Поднепровья, Среднего Поднепровья и Прикубанья и оформляющих бронзовые и серебряные конские налобники/наносники и бронзовые псалии (рис. 5, 1).

Однако чаще иконография позднегреческого грифона в полной мере не выдерживается. Практикуется тема гибрида кошачьего хищника и орлиноголового грифона позднегреческого типа. Ее реализует морфологический тип монстров, наделенных челюстями хищников, переходящих в птичьи клювы; к данному типу относятся 3 изображения 3-й четв. IV в. до н. э., происходящие с территории Прикубанья и оформляющие бронзовые псалии (рис. 5, 3). Также практикуется тип монстра, сочетающего надклювье с короткой мощной нижней челюстью кошачьего хищника, в которую он упирается своим изгибом и которая имеет характерный свисающий подбородок: это 4 изображения 2-й пол. IV – нач. III в. до н. э. с территории Прикубанья, оформляющие бронзовые конские наносники и бронзовое навершие ритуального шеста (рис. 5, 4).

Смежный с ним тип (3 изображения 2-й пол. IV – 1-й пол. III в. до н. э., происходящие с территории Прикубанья и Среднего Подонья и оформляющие бронзовые конские наносники) представляет голову, шею и рудиментарную грудную часть грифоподобного существа – с мордой зверя и знаком гребня на шее: это вероятная модификация орлиноголового грифона позднегреческого типа, слитого с местными образцами копытных или хищников (рис. 5, 6).

К данным морфологическим типам примыкает еще один, представляющий голову, шею и грудь некоего существа с клювом хищной птицы или клювообразной мордой, с ушами и гребнем на голове и/или на шее; к этому типу относятся 12 изображений V–IV вв. до н. э., оформляющих бронзовые конские наносники и происходящих в основном с территорий Среднего, а также Нижнего Поднепровья (рис. 5, 5).

Особый тип составляет изображение 2-й пол. IV в. до н. э. с территории Прикубанья, оформляющее бронзовые конские наносники и являющее протому короткоголового хищника семейства кошачьих с раскрытой пастью. Верхняя челюсть этого существа в сочетании с

треугольным верхним клыком имеет столь значительное сходство с клювом, что это заставляет допускать стремление мастера представить здесь не столько кошачьего хищника, сколько грифона (рис. 5, 7).

Напротив, существенное отступление от иконографического канона позднегреческого грифона демонстрирует морфологический тип погрудного изображения львиноголового грифона с явным гребнем рептилии или с гривой, напоминающей грифоний гребень; к данному типу относятся 3 изображения 400–375 гг. до н. э., оформляющие золотые и бронзовые (обложенные золотом) конские наносники, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (рис. 5, 9). С этим типом сходны 2 погрудных изображения с территории Нижнего Поднепровья 400–320 гг. до н. э., оформляющие золотые и бронзовые (обложенные золотом) конские наносники из курганов Солоха и Гайманова могила и образующие отдельный тип львиноголового грифона с козлиными/бычьими рогами (в гаймановском изображении еще и с гребнем рептилии), в чем можно усматривать отголоски темы ахеменидского грифона (рис. 5, 8).

Иконографически и семантически пограничным, но не тождественным по отношению к теме грифона в раннескифском искусстве является популярный образ **бараноптицы/грифобарана** (48 оригинальных изображений, объединяемых в 2 типа) – мотив, известный со второй четверти VII в. до н. э., т. е. с самого начала существования скифской культуры. Характеристике истоков, эволюции, семантики и хронологии данного образа посвящены две статьи автора²³, поэтому здесь мы сосредоточимся на статистических данных.

Необходимыми иконографическими признаками грифобарана/бараноптицы традиционно в научной литературе считаются загнутый или закрученный птичий клюв и U-образные бараньи рога, исходящие из двух близко расположенных точек на темени, затем расходящиеся

²³ Канторович А. Р. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Памяти М. П. Абрамовой (1931–2003) / МИАР № 8 / Ред. В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев. М.: ИА РАН, 2007. С. 235–257; Канторович А. Р. Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Книга 2. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 362–370.

в стороны вниз по поверхности головы, обрамляющие глаза снизу и проходящие перед глазами, почти смыкаясь на лбу. В некоторых случаях рога и иные детали бараноптицы могут быть зооморфно трансформированы.

Это образ исключительно архаический, оформляющий в основном костяные и роговые уздечные распределители, псалии и насадки на псалии, гораздо реже костяные налучья и бронзовые навершия. Его предельные хронологические рамки: 2-я четв. VII – сер. VI в. до н. э. Тема бараноптицы в скифском искусстве представлена в двух вариациях.

Во-первых, это головы в сочетании с задними ногами или копытами – знаки полнофигурных бараноптиц, их «альфа и омега» (рис. 6, 1). Это 16 оригинальных изображений, формирующих единый тип. Все эти изображения происходят преимущественно с территории Среднего Поднепровья, а также из зоны Центрального Предкавказья и Прикубанья. Они оформляют элементы конского снаряжения – костяные/роговые псалии и костяные насадки на деревянные псалии.

Во-вторых, это мотив обособленной головы (рис. 6, 2). Это 32 оригинальных изображения, образующих единый тип и происходящих преимущественно с территорий Прикубанья, Ставрополя и Среднего Поднепровья, а также из зоны Нижнего Поднепровья, Крыма и Нижнего Подонья. Большинство из этих изображений оформляют элементы конского снаряжения – костяные навершия деревянных псалиев (не имеющих костяных насадок на нижнюю часть в виде копыт) и костяные столбики-распределители уздечных ремней; реже это костяные налучья и бронзовые навершия, а также костяная насадка со шпеньком неясного назначения (рис. 6, 2).

Непосредственными иконографическими «корнями» данного мотива являются древнейшие скифские образы горных баранов и хищных птиц, имеющие, в свою очередь, стилистических предшественников в переднеазиатском искусстве²⁴. Вместе с этими образами горных

баранов и птиц обнаруживаются и местные прототипы в предскифской традиции на Северном Кавказе – в искусстве протомеотской (псалии «сиалковского варианта», птицеголовые скипетры) и кобанской культур. Слияние этих традиций, вероятно, и привело к появлению качественно нового синкретического образа бараноптицы, причем исходной точкой его распространения был Северный Кавказ, где он возник, скорее всего, в среде скифских и работавших в скифском духе нескифских мастеров «саккызско-келермесской школы»²⁵; неслучайно именно из этого региона происходят эталонные изображения бараноптицы, характеризующиеся тщательной проработкой всех анатомических деталей. Северное Причерноморье и Передняя Азия были в этом отношении периферией²⁶.

С наибольшей вероятностью образ бараноптицы соотносится с общеиранской мифологической подосновой, нашедшей отражение в иранской письменной традиции в таком явлении, как божественная благодать Хварно/Фарн – воплощение славы, удачи и победоносности героев²⁷. Очевидно, причиной раннего исчезновения образа бараноптицы послужила его семантическая сложность и перегруженность, обусловившая его замену иными синкретическими мотивами.

В контексте таких пограничных с грифонным синкретических существ следует рассматривать «странные смешанные изображения»²⁸ неопределенных животных, которым свойственна морда с тупым завершением, с четко выраженными ноздрями, высунутый язык и остроконечные вертикальные уши (иногда еще и гребень) (рис. 6, 4). Этот образ, обозначенный нами условно как **образ тупорылого зверя**, представлен только редуцированно (голова с шеей). Это 9 оригинальных изображений 2-й пол. VII – сер. VI в. до н. э., формирующих единый морфологи-

²⁴ Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства // СА, 1968. № 4. С. 35, 36; Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА, 1965. № 1. С. 86-107; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до н. э.). Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1972. С. 142-146; Шкурко А. И. Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Часть вторая. Труды ГИМ. Вып. 54 / Ред. Д. Л. Талис. М., 1982. С. 3; Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука, 1992. С. 129-132.

²⁵ Шкурко А. И. Фантастические существа... С. 3; Чежина Е. Ф. Раннескифские зооморфные псалии из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // СГЭ. ЛП. Ленинград, 1987. С. 27; Королева Е. Ф., Зверинский стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб: Петербургское востоковедение, 2006. С. 67; Канторович А. Р. Меото-скифское искусство Прикубанья (VII – начало III в. до н. э.) // Античное наследие Кубани. В 3 т. Том 1 / Ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Рис. 21.

²⁶ Подробнее о вероятных истоках и развитии данного образа см.: Канторович А. Р. Истоки и вариации образа бараноптицы... С. 240-243.

²⁷ См. аргументацию этой гипотезы: Канторович А. Р. Истоки и вариации образа бараноптицы... С. 238-240.

²⁸ Шкурко А. И. Фантастические существа... С. 3.

ческий тип и происходящих с территории Прикубанья, Центрального Предкавказья и Средне-го Поднепровья. В основном эти изображения оформляют бронзовые навершия ритуальных шестов, а в одном случае – роговые столбики-распределители уздечных ремней.

Появившийся вначале в Прикубанье (судя по хронологии комплексов), этот образ изначально был результатом искажающего копирования и упрощения переднеазиатских образов кошачьего хищника с оскаленной пастью и высу-нутым свисающим языком, на что уже указывал А. И. Шкурко²⁹. Примечательно, что такие переднеазиатские прототипы обнаружены в качестве импортов в том же Келермесском кургане 3/Ш, где и найдены вышеназванные навершия с тупорылым зверем и грифонами раннегреческого типа. Это голова льва на наконечнике сосуда или ритона малоазийского или северосирийского производства VIII–VII вв. до н. э.³⁰. Данные изображения, как показали Л. К. Галанина и В. А. Кисель, находятся в русле новохеттской традиции и в особенности сходны с образами львов в монументальной скульптуре IX в. до н. э.³¹. Существуют и более хронологически близкие аналогии – например, рельеф в виде «химеры» из Кархемьша 2-й пол. VIII в. до н. э.³². Можно отметить также параллели в тореитике VIII–VII вв. до н. э. из Луристана (львы на пластинах булавок и умбонах щитов), и особенно Зивие – см. львиную протому-атташ, парную с вышеупомянутой протомой грифона, а также крылатых львов с торчащими ушами, острым ухом и открытой пастью с высунутым языком в верхнем ярусе пекторали³³; ср. также образ крылатого льва с торчащим острым ухом и открытой пастью на ассирийских печатях IX–VIII вв. до н. э. (рис. 4, 8)³⁴. Видимо, контаминация этого образа с темой грифона раннегреческого типа (отсюда – очень длинные торчащие уши) и, возможно, ориентализирующего типа (отсюда – гребень у некоторых тупорылых монстров) привела к появлению в скифском искусстве нового синкретического образа с неустойчивой семантикой.

Последнее сделало возможным трансформацию этого образа в Приднепровье в более понятный местным мастерам мотив лошади с хохолком – выступом гривы.

В качестве **комбинации образов раннегреческого грифона и бараноптицы** следует рассматривать некий гибридный мотив, составленный единственным изображением обособленной головы, оформляющей бронзовое навершие ритуального шеста 1-й пол. VI в. до н. э. из Прикубанья (рис. 6, 3). Голова этого существа соответствует голове грифона раннегреческого типа с полураскрытой прорезной клювовидной пастью, в которой виден торчащий наискось скульптурный язык, с ломаной нижней челюстью. Восковица композиционно соответствует вертикальным ушам грифонов раннегреческого типа. Вместе с тем затылочную часть данного монстра мастер, очевидно, создавал под влиянием иконографии барана и бараноптицы, т. к. наделил монстра бараньим рогом (при этом рог преуменьшен и сильно загнут назад), обрамляющим уплощенно-шаровидный выступ, фактически находящийся на затылке монстра. Данный выступ соответствует глазу в композиции барана и бараноптицы, но остается неясным, что конкретно хотел показать мастер ульского навершия – преувеличенный глаз, который он потом дополнил глазом в основании клюва, или же геометризованное ухо.

Таким образом, данное изображение – очевидное следствие пересечения иконографии грифона и бараноптицы в рамках скифской изобразительной системы в процессе развития этих независимо возникших образов. Видимо, разрабатывая голову ульского монстра, мастер ориентировался на канон раннегреческого грифона, уже искаженный скифской переработкой.

На базе природной темы рыбы – морского конька (гиппокампа), под сильным греческим (а также в ряде случаев греко-фракийским) влиянием, на границе с образом орлиноголового грифона формируются датируемые в основном пределами IV в. до н. э. синкретические образы гиппокампа-лошади, грифогиппокампа и «петушка-гиппокампа».

Образ **гиппокампа-лошади** представлен единственным морфологическим типом, которому соответствует единственное оригинальное изображение 1-й пол. IV в. до н. э. из Прикубанья, оформляющее парные S-овидные бронзо-

²⁹ Шкурко А. И. Фантастические существа... С. 3.

³⁰ Галанина Л. К. Келермесские курганы... Табл. 38-39, кат. 40.

³¹ Галанина Л. К. Келермесские курганы... С. 148; Кисель В. А., 2003. Шедевры ювелиров... С. 66.

³² Akurgal E. The Art of the Hittites. New York: H.N. Abrams, 1962. P. 293, fig. 126.

³³ Ghirshman R. Protoiranien, Meder, Achämeniden. Universum der Kunst, Bd. 5. München, 1964. Abb. 63, 90, 137, 139.

³⁴ Frankfort H., 1939. Cylinder seals. L.: Macmillan, 1939. Pl. XXXIV, a.

вые двудырчатые псалии из кургана 5 Уляпского могильника (рис. 7, 1). Верхняя часть псалия выполнена в виде лошадиной головы и шеи с гривой, нижняя часть псалия – в виде загнутого хвоста гиппокампа.

Уляпское изображение, не имея близких образных аналогий в собственно скифском зверином стиле, композиционно сближается с изображениями лошади на бронзовых псалиях из территориально близкого 2-го кургана группы Семибратних³⁵, а в трактовке головы эти псалии близки и стилистически, хотя уляпское изображение менее натуралистично в передаче носовой части и глаза. Сам же образ гиппокампа, несомненно, заимствован создателем уляпского изображения из греческого искусства, где он был широко известен, в том числе и на территории Северного Причерноморья (ср. изображения морских коньков на золотых пластинах из Куль-Обы³⁶). Однако создатель уляпских псалий трактовал его вполне в духе местной стилистики. S-овидная форма псалий оказалась идеальной для передачи силуэта гиппокампа.

Образ **грифоногиппокампа** (рис. 7, 3, 4) представлен двумя морфологическими типами, в совокупности объединяющими 6 изображений, датируемых в предельных рамках 3-й четв.V – 3-й четв. IV вв. до н. э. и происходящих с территории Нижнего Поднепровья, Нижнего Подонья и Прикубанья. Эти фигуры оформляют в основном бронзовые навершия ритуальных шестов, а также золотые обивки деревянной чаши, золотую обкладку ритона и золотую обкладку лопасти ножен меча. Здесь изображено некое существо, наделенное передними ногами кошачьего хищника, головой кошачьего хищника (рис. 7, 3) или грифона (рис. 7, 4), гребнем грифона, крыльями, змеевидной или рыбовидной задней частью туловища без задних ног и хвостом. Эти монстры в трактовке туловища и хвоста близки гиппокампам в греческом искусстве (ср., например, вышеупомянутых морских коньков на золотых пластинах из Куль-Обы).

Образ **петушка-гиппокампа** (рис. 7, 2) представлен 18 изображениями IV в. до н. э., составляющими единый морфологический тип. Они оформляют в основном бронзовые уздечные бляхи (в одном случае – золотые обивки ри-

тона) и происходят большей частью с территории Нижнего и Среднего Поднепровья, а также в меньшей мере – из зоны Среднего Подонья и Прикубанья. Это существа с опущенной конеподобной головой и туловищем в виде двух параллельных S-овидных полос с одним или двумя выступами по сторонам, вероятно, имитирующими конечности. Данный образ представляет собой, очевидно, искаженное отображение гиппокампа с использованием в своей основе композиции и некоторых анатомических элементов мотива обособленных конечностей хищника. Идентификации и подробной характеристике данного образа посвящена специальная статья³⁷.

Очевидно, на пересечении образов птицы и копытного возникли образ «лосептицы» и мотивы, комбинирующие элементы птицы и неопределенного копытного.

К синкретическому образу «лосептицы» нами отнесены изображения некоего существа, сочетающего черты птицы и лося: оно наделено птичьим клювом, ухом и лосиными рогами, причем данное животное представлено только в редуцированном воплощении – в виде головы и шеи (иногда, возможно, это протомы с рудиментарной лапой), так что невозможно понять, как именно древние мастера представляли себе его туловище и конечности (рис. 8, 1).

Данный образ представлен единственным морфологическим типом, объединяющим 13 оригинальных изображений 2-й четв. – кон. IV в. до н. э., происходящих в основном с территории Нижнего и Среднего Поднепровья, а также из зоны Среднего Подонья и Прикубанья. Все изображения «лосептицы» оформляют уздечные бляхи (бронзовые налобники и наносники).

Гибридом птицы и неопределенного копытного можно именовать мотив, компонентами которого являются голова хищной птицы и нога копытного, оформляющие противоположные части псалий (рис. 8, 2) и миниатюрных ритуальных скипетров (рис. 8, 3). В рамках этой темы дифференцируются два морфологических типа. Один из них составлен 5 оригинальными изображениями, оформляющими бронзовые и костяные псалии сер. VII–VI в. до н. э., происходящие с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Центрального Предкавказья. Другой тип насчитывает 3 оригиналь-

³⁵ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артис. Ленинград: Советский художник, 1966. Табл. 123, 125.

³⁶ Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad: Aurora, Oxford Phaidon, 1987. Cat. № 207.

³⁷ Канторович А. Р. «Петушки» – один из образов звериного стиля степной Скифии // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. / Ред. Ю. Л. Щапова, И. В. Яценко. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. С. 30-39.

ных изображения, оформляющих бронзовые votивные топоры-скипетры кон. VI – 1-й пол. V в. до н. э.

Наконец, еще одним образом синкретического животного является мотив **рогатой рыбы** (рис. 8, 4). Выделяется единственный морфологический тип, образуемый единственным оригинальным изображением 390–380 гг. до н. э., происходящим с территории Нижнего Поднепровья, а именно из конской могилы центральной гробницы кургана Гайманова могила. Это изображение оформляет обкладку деревянной основы парных золотых конских нащечников.

Подводя итоги и возвращаясь к статистике синкретических образов, мы видим, что наиболее популярны здесь образы грифона (преимущественно ранне- и позднегреческого типа) и крылатого льва, а также образ бараноптицы, который А.И. Шкурко достаточно давно справедливо охарактеризовал как «единственный устойчивый, оригинальный образ фантастического существа в раннескифском искусстве»³⁸. Также относительно популярен, но только в эпоху «скифской классики», в основном в IV в. до н. э., мотив грифогиппокампа и его дериваты. Остальные образы являются в основном пограничными, гибридными и соответственно гораздо менее популярными.

При этом в раннескифском зверином стиле мы наблюдаем, с одной стороны, относительно малочисленную воплощений «настоящего грифона» ориентализирующего и раннегреческого типов, с другой, напротив, значительный массив «квазигрифонов» – ответвлений от основного образа и пересечений с другими синкретическими образами (тупорылый зверь, гибрид грифона и бараноптицы).

Следовательно, тема грифона, пришедшая из древнегреческого и переднеазиатского искусства, оказалась в чистом виде недостаточно популярной в скифской среде в VII–VI вв. до н. э., замещаясь синкретическими образами, более соответствующими местной идеологии, в которой такого рода сюжеты, несомненно, должны были уже присутствовать в контексте индоиранской подосновы в виде легенд об inferнальных зонах и населяющих их фантастических существах³⁹. Возможно, учитывая параллели в хетт-

ском и греческом искусстве, эта подоснова могла быть и более глубокой – индоевропейской⁴⁰. Однако наличие такой идейной базы, видимо, было еще недостаточным для поглощения раннескифской средой конкретных художественных образов Древней Греции и Переднего Востока, иконография которых была детерминирована соответствующей ей мифологией (в том числе и неиндоевропейской). Отсюда – модификация этих образов, осуществлявшаяся в раннескифскую эпоху. Этот процесс шел преимущественно на Северном Кавказе – на плацдарме скифских переднеазиатских походов, где концентрировались соответствующие художественные заимствования и импорты. При этом такие образы, как правило, не могли быть всеобъемлющими и либо оставались локальными и недолговечными (тупорылый зверь с высунутым языком и гибрид грифона с бараноптицей), либо, будучи популярными, все же подвергались иконографическим деформациям вследствие недостаточного их понимания в других зонах скифской культуры: так, в Лесостепном Поднепровье реализация образа бараноптицы, достаточно сложного в смысловом и формальном отношении, приводила к его искажению и как следствие – к прекращению традиции⁴¹.

Канон раннегреческого грифона, интегрированный в искусство «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э., хотя и не нашел широкого распространения, но, во-первых, стимулировал беспрецедентную популярность образа ушастой птицы – «скифского грифона», во-вторых, создал если не иконографическую, то семантическую базу для широкого распространения в художественной системе эпохи «скифской классики» V–IV вв. до н. э. новых разнообразных модификаций грифона, навеянных иконографией ахеменидского львогрифона с козлиными рогами и позднегреческого орлиноголового грифона с длинным перепончатым гребнем.

В свою очередь, изображения позднегреческого грифона, как полнофигурные, так и редуцированные, пусть с упрощениями и искажениями, составляют основную тенденцию в реализации мегаобраза синкретических существ в эпоху «скифской классики» V–IV вв. до н. э. И опять-та-

³⁸ Шкурко А. И. Фантастические существа... С. 3.

³⁹ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. СПб.: Алетейя, 2001. С. 25-78.

⁴⁰ Черемисин Д. В., Запороженко А. В. «Сакральные центры» Евразии на Алтае, на Енисее и легенда об аримаспах и грифах в современных интерпретациях // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий Международной научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 230.

⁴¹ Шкурко А. И. Фантастические существа... С. 3.

ки на периферии этого канона наблюдается гибридизация образа позднегреческого грифона с образом кошачьего хищника, птицы и порой копытного, что приводит к возникновению неких новых образов. Это, очевидно, свидетельствует о продолжении процесса переосмысления скифским обществом семантики грифона и о ее модификации в соответствии с некими собственными мифологическими концепциями. Также

примечательно ощутимое присутствие синкретических образов, связанных с водной стихией (гиппокамп-лошадь, грифоногиппокамп, «петушок-гиппокамп» и рогатая рыба), что соответствует выводам исследователей о важной роли водного начала в скифских религиозно-мифологических представлениях – ср. функции «дочери Борисфена», Апи, Арпокская и Тагимасада-Посейдона⁴².

Список сокращений:

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа

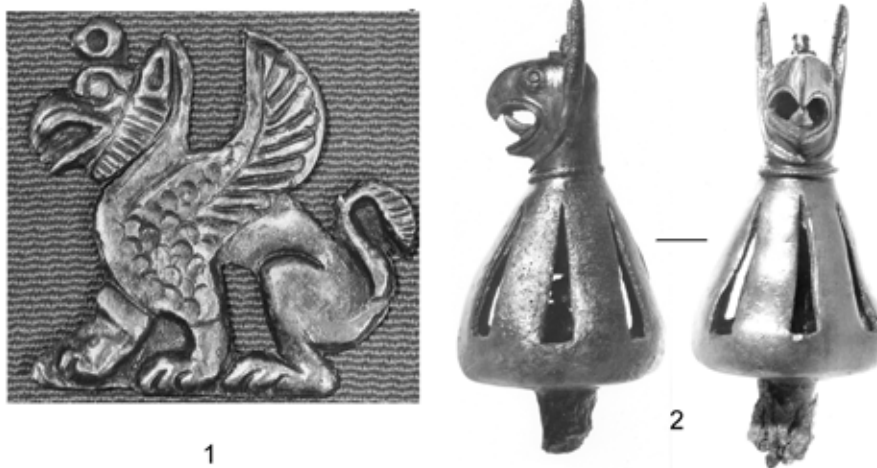

Рис. 1. Полнофигурные (1) и редуцированные (2) модификации канона раннегреческого грифона – эталоны типов

- 1 – курган Перепятиха, золотая бляшка (по: Piotrovsky V., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Fig. 22);
2 – Новозаведенное-II, курган 8, бронзовое навершие (по: The Treasures..., 1991. P. 48, cat № 11).

⁴² См., в частности: Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 64-66, 84.

Рис. 2. Полнофигурные модификации канона позднегреческого грифона – эталоны типов

- 1 – д. Мастогино, сборы А. А. Спицына, золотая пластина (по: Гуляев В. И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН, 2010. Рис. 29)
- 2 – «Майкопский клад», золотая нашивная бляшка (по: Leskov A.M. The Maykop Treasure. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2008. Cat. № 63)
- 3 – курган Желтокаменка, золотая нашивная бляшка (по: Мозолевский Б. Н. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии / Ред. А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский, Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1982. Рис. 37, 23)
- 4 – Красноперекопские курганы, курган 22, золотая нашивная бляшка (по: Лесков О. М. Скарби курганів Херсонщини. Киев: Мистецтво, 1974. Рис. 77)
- 5 – курган Малый Чертомлык, золотая нашивная бляшка (по: Мозолевский Б. Н. Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья / Ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 67, рис. 6, 24, 25)
- 6 – Красноперекопские курганы, курган 22, золотая нашивная бляшка (по: Лесков О. М. Скарби... Рис. 82)
- 7 – курган Куль-Оба, золотая нашивная бляшка (по: Артамонов М. И. Сокровища... Табл. 225)
- 8 – станица Тенгинская, курган 2, бронзовое навершие, грифон как элемент «зооморфного превращения» рогов оленя (по: Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи VIII–III вв. до н. э. М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2006. Кат.111. Рис. Н. С. Сурвилло)

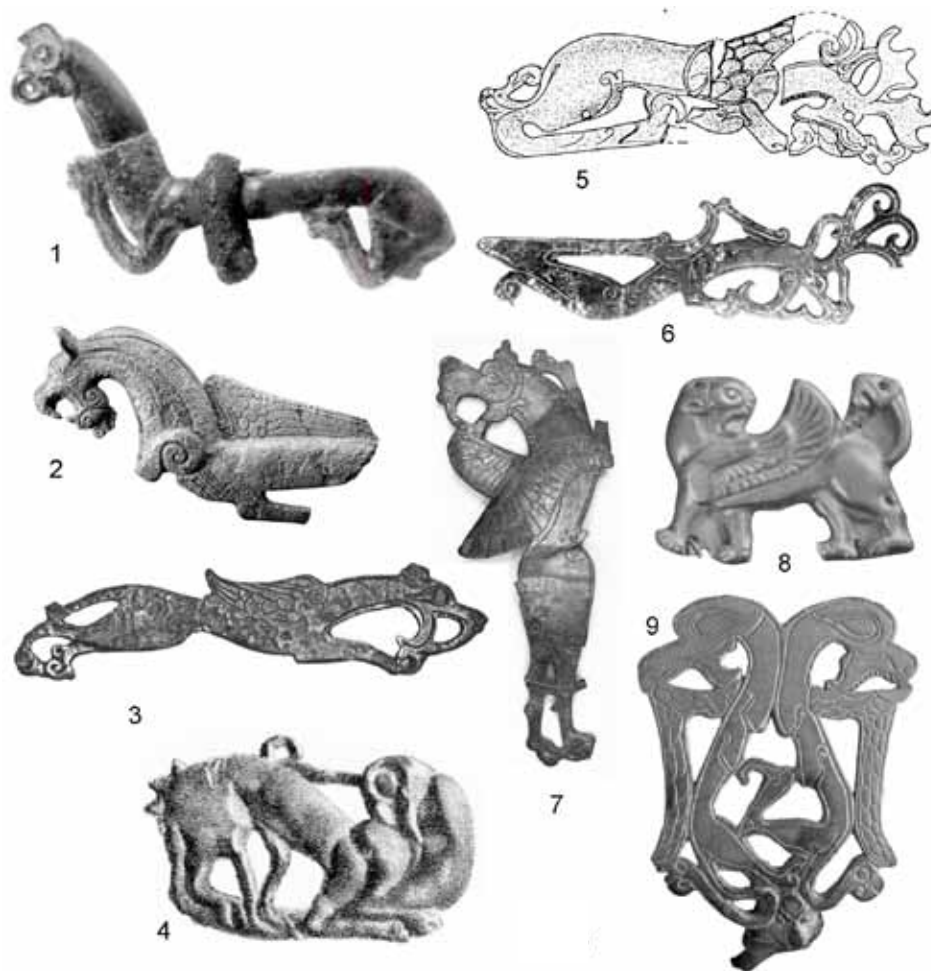

Рис. 3. Полнофигурные изображения существ, сочетающих черты кошачьего хищника и птицы – эталоны типов

- 1 – «Майкопский клад», бронзовый псалий (по: Leskov A.M. The Maykop Treasure. Cat. № 254)
 2 – Майкоп, случайная находка, фрагмент бронзового псалия (по: L'or des Amazones, 2001. Cat. № 17)
 3 – Елизаветинский курган 7/1917 г., бронзовый конский налобник (по: Артамонов М. И. Сокровища... Табл. 138)
 4 – с. Аксютинцы, курган 2, раскопки С. А. Мазараки 1883–1885 гг., бронзовые уздечные бляхи (по: Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2: Дневники раскопок 1887–1889 гг. СПб.: Типография В. С. Балашева и Ко, 1894. Табл. XXIII, 6, 7)
 5 – Елизаветинский курган 4/1913 г., бронзовый конский налобник (по: Галанина Л. К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ, вып. 37. СПб, 2005. Табл. 1, 1)
 6 – Елизаветинский курган 7/1917 г., бронзовый конский налобник (по: Яценко И. В. Искусство скифских племен Северного Причерноморья // История искусства народов СССР: В 9 т. / Ред. Б. В. Веймарн. М.: Изобразительное искусство, 1971–1984. Т. 1, 1971. Илл. 143)
 7 – станция Кужорская, курган 1, бронзовый конский налобник (по: Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитейное искусство... Кат. 101)
 8 – Нимфейский могильник, гробница № 17, золотая нашивная бляшка (по: Артамонов М. И. Сокровища... Табл. 101)
 9 – станция Кужорская, курган 1, бронзовый псалий (по: Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитейное искусство... Кат. 89)

Рис. 4. Полнофигурные модификации канона ахеменидского грифона – эталоны типов

1, 2 – курган у с. Защита, бронзовая бляха (по: Яценко И. В. Искусство эпохи раннего железа // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М.: Искусство, 1977. Илл. 6)

3 – курган Гайманова Могила, Северная гробница, погребение 2, золотая нашивная бляшка (по: Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Издательский дом Скиф, 2012. Кат. 166, рис. 104, 1)

4 – «Майкопский клад», навершие золотой булавки (по: Leskov A.M. The Maykop Treasure. Cat. № 182)

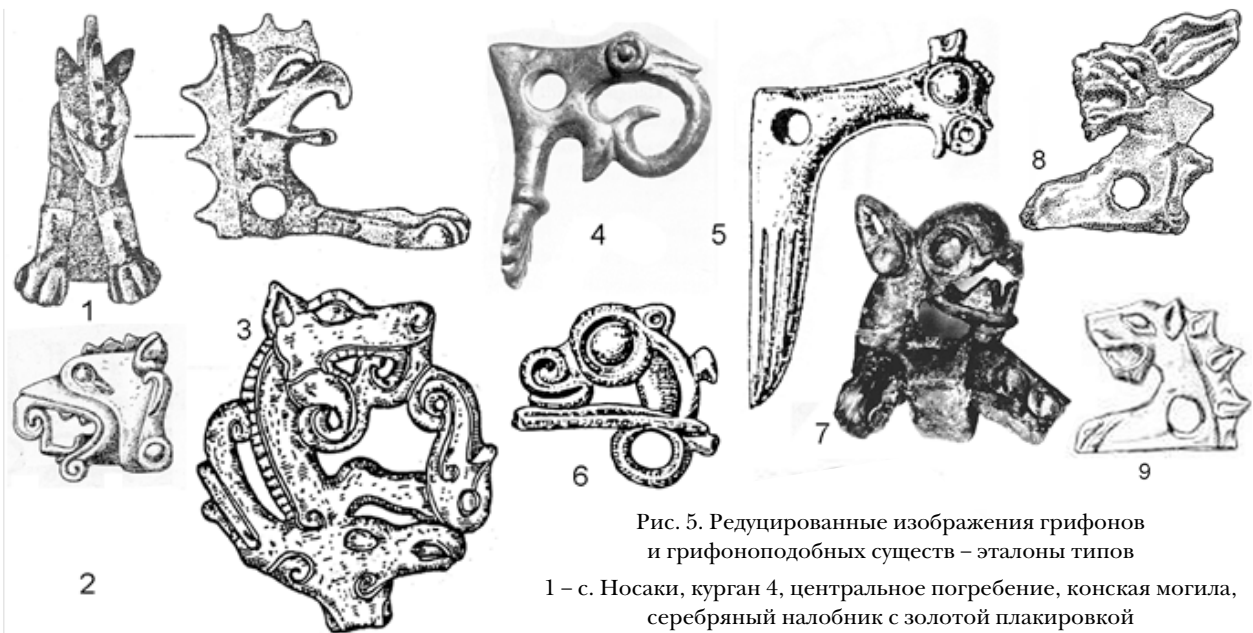

Рис. 5. Редуцированные изображения грифонов и грифоподобных существ – эталоны типов

1 – с. Носаки, курган 4, центральное погребение, конская могила, серебряный налобник с золотой плакировкой (по: Бидзиля и др., 1977. С. 97-98, рис. 15, 2)

2 – с. Грищенцы, погребение 7, бронзовая бляха (по: Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. САИ Д1-4. М.: Наука, 1967. Табл. 31, 10)

3 – хутор Прикубанский, бронзовый псалий (по: Марченко и др., 2001. Рис. на с. 93)

4 – «Майкопский клад», бронзовый наносник (по: Leskov A.M. The Maykop Treasure. Cat. № 300)

5 – с. Грушевка, курган 383, бронзовый наносник (по: Петренко В. Г. Правобережье... Табл. 29, 22)

6 – с. Дуровка, курган 1, бронзовый наносник (по: Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). Москва: Индрик, 2001. С. 213, рис. 11, 7)

7 – Уляпский могильник, курган 8, бронзовый наносник (по: Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитейное искусство... Кат. 71)

8 – курган Гайманова могила, Центральная гробница, золотой конский налобник/наносник из двух половинок – обкладок деревянной основы (по: Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский... Кат. 267, рис. 209, 1, 19, рис. 678)

9 – курган Солоха, боковое погребение, бронзовый конский наносник, обложенный золотом (по: Манцевич А. П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Ленинград: Искусство, 1987. Кат. 90)

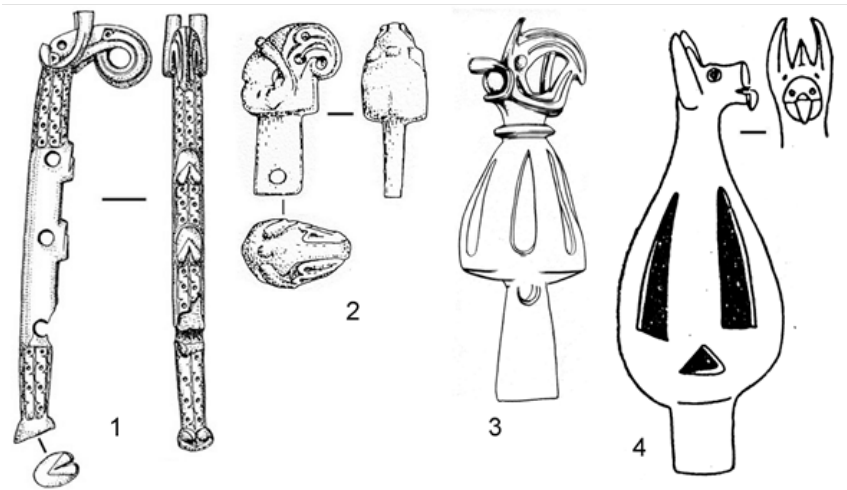

Рис. 6. Образ бараноптицы/грифобарана (1, 2), гибрид образов грифона раннегреческого типа и бараноптицы (3) и образ тупорылого хищника (4) – эталоны типов

- 1 – Новозаведенное-II, курган 16, костяной псалий (по: Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. Рис. 3; 4, 8)
 2 – Новозаведенное-II, курган 7, костяная насадка со шпеньком (по: Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века юга России. МИАР № 6. М., 2004. Рис. 9, 7)
 3 – Ульский курган № 1 (раскопки 1908 г.), бронзовое навершие (по: L'or des Scythes, 1991. P. 66, fig. 29)
 4 – курган у с. Будки, бронзовое навершие (по: Ильинская В. А. Скифы Днепроовского Лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка, 1968. С. 158, рис. 42, 1)

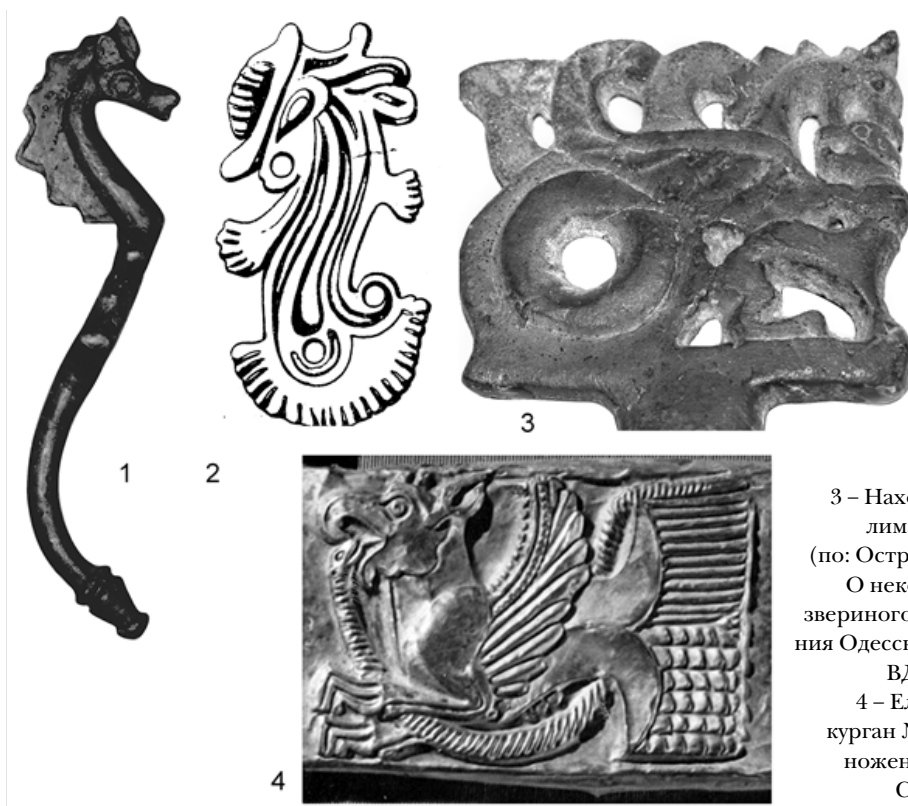

Рис. 7. Образы гиппокампа-лошади (1), «петушка-гиппокампа» (2) и грифогиппокампа (3, 4) – эталоны типов

- 1 – Уляпский могильник, курган 5, бронзовый псалий (по: Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитерное искусство... Кат. 63)
 2 – 2-й Мордвиновский курган, бронзовая бляха (по: Лесков О. М. Скарби... С. 55, рис. 44)
 3 – Находка в районе Тилигульского лимана, бронзовое навершие (по: Островерхов А. С., Охотников С. Б. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ, 1989. № 2. Рис. 4, 4)
 4 – Елизаветовский могильник, курган № 1, 1910 г., золотая обкладка ножен меча (по: Артамонов М. И. Сокровища... Табл. 324)

Рис. 8. Образ лосептицы (1), комбинация элементов птицы и неопределенного копытного (2, 3), образ рогатой рыбы (4) – эталоны типов 1 – курган у с. Кошеватое, бронзовый налобник/наносник (по: Петренко В. Г. Правобережье... Табл. 29, 8)
2 – курган у хутора Грушевка Запорож. обл., костяной псалий (по: Іллінська В. О. Скільська вузда VI ст. до н. е. // Археологія. XIII, 1961. С. 46, 48, рис. 7, 5)
3 – аул Тауйхабль, случайная находка, бронзовый вотивный топорик-скипетр (по: Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитетное искусство... Кат. 55)
4 – Гайманова могила, центральная гробница № 2, конская могила, золотые нащечники – обкладки деревянной основы (по: Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский... Кат. 266, рис. 209, 2, 3, рис. 261, 1, 2).

Библиография:

1. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артис. Ленинград: Советский художник, 1966. 270 с.
2. Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4. С. 27-45.
3. Бидзиля и др., 1977 – Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозоловский Б. Н., Савовский И. П. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки / Ред. Бидзиля В. И. Киев: Наукова думка, 1977. С. 61-158.
4. Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Издательский дом «Скиф», 2012. 752 с., 780 илл.
5. Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2: Дневники раскопок 1887-1889 гг. СПб.: Типография В. С. Балашева и Ко, 1894. 232 с., 24 табл.
6. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. СПб.: Алетейя, 2001. 223 с.
7. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV века до н. э.). Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1972. 386 с.
8. Галанина Л. К. Келермесские курганы (Степные народы Евразии, 1). М.: Палеограф, 1997. 316 с.
9. Галанина Л. К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. Вып. 37. СПб., 2005. С. 97-108.
10. Граков Б. Н. Скифы. М.: Изд-во Московского университета, 1971. 200 с.
11. Гуляев В. И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН, 2010. 346 с.
12. Жизнь животных в 6 томах. Т. 5: Птицы / Ред. Гладков Н. А., Михеев А. В. М.: Просвещение, 1970. 675 с.
13. Іллінська В. О. Скільська вузда VI ст. до н. е. // Археологія. XIII. 1961. С. 38-61.
14. Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1. С. 86-107.
15. Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка, 1968. 203 с.
16. Канторович А. Р. «Петушки» – один из образов звериного стиля степной Скифии // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. / Ред. Шапова Ю. Л., Яценко И. В. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. С. 30-39.
17. Канторович А. Р. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1. / Ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2002. С. 77-130.
18. Канторович А. Р. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Памяти М. П. Абрамовой (1931-2003) / МИАР № 8 / Ред. Козенкова В. И., Малашев В. Ю. М.: ИА РАН, 2007. С. 235-257.
19. Канторович А. Р. Меото-скифское искусство Прикубанья (VII – начало III в. до н. э.) // Античное наследие Кубани: В 3 т. Том 1 / Ред. Бонгард-Левин Г. М., Кузнецов В. Д. М.: Наука, 2010. С. 286-314.
20. Канторович А. Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII-VI вв. до н. э. // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. Труды ГИМ. Вып. 191 / Ред. Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. М.: ГИМ, 2012. С. 106-133.
21. Канторович А. Р. Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Книга 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 362-370.

22. Канторович А. Р. Проблема классификации изображений скифо-сибирского звериного стиля (историографический очерк) // РА. 2014. № 3. С. 156–164.
23. Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи VIII–III вв. до н. э. М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2006. 212 с.
24. Кисель В. А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 192 с.
25. Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
26. Лесков О. М. Скарби курганів Херсонщини. Київ: Мистецтво, 1974. 123 с.
27. Манцевич А. П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Ленинград: Искусство, 1987. 143 с.
28. Марченко и др., 2001 – Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Бочковой В. В. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Международная третья Кубанская археологическая конференция (тезисы докладов). Анапа–Краснодар, 2001. С. 91–99.
29. Мозолевский Б. Н. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии / Ред. Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н., Черненко Е. В. Киев: Наукова думка, 1982. С. 179–222.
30. Мозолевский Б. Н. Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья / Ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 63–73.
31. Островерхов А. С., Охотников С. Б. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. 1989. № 2. С. 50–67.
32. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднпровья в V–III вв. до н. э. САИ Д1–4. М.: Наука, 1967. 180 с.
33. Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Ред. Гуляев В. И., Ольховский В. С. М.: ИА РАН, 2000. С. 238–248.
34. Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века юга России. МИАР № 6. М., 2004.
35. Погребова Н. Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. XXII. 1948. С. 62–67.
36. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука, 1992. 268 с.
37. Полосьмак Н. В. Стерегищие золото грифы (Ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 124 с.
38. Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). Москва: Индрик, 2001. 272 с.
39. Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.
40. Скорый С. А. Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепоного Правобережжя). Київ.: Наукова думка, 1990. 124 с.
41. Чежина Е. Ф. Раннескифские зооморфные псаии из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // СГЭ. LI. Ленинград, 1987. С. 25–28.
42. Черемисин Д. В., Запороженко А. В. «Сакральные центры» Евразии на Алтае, на Енисее и легенда об аримаспах и грифах в современных интерпретациях // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 228–231.
43. Шкурко А. И. Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Часть вторая. Труды ГИМ. Вып. 54 / Ред. Талис Д. Л. М.: ГИМ, 1982. С. 3–8.
44. Яценко И. В. Искусство скифских племен Северного Причерноморья // История искусства народов СССР: В 9 т. / Ред. Веймарн Б. В. М.: Изобразительное искусство, 1971–1984. Т. 1. 1971. С. 116–137.
45. Яценко И. В. Искусство эпохи раннего железа // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М.: Искусство, 1977. С. 80–99.
46. Akurgal E. The Art of the Hittites. New York: H.N. Abrams, 1962. 315 p.
47. Azarpay G. Some classical and Near Eastern motives in the art of Pazyryk // Artibus Asiae. Vol. XXII. № 4. 1959. P. 313–339.
48. Frankfort H. Cylinder seals. L.: Macmillan, 1939. 328 p.
49. Furtwängler A. Gryps // Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig, 1886–1890.
50. Ghirshman R. Protoiranien, Meder, Achämeniden. Universum der Kunst. Bd. 5. München, 1964.
51. Leskov A. M. The Maykop Treasure. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2008. 304 p.
52. L' or des Amazones, 2001 – L' or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C.-IVe siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars – 15 juillet / Ed. Shiltz V. Paris: Paris musées, 2001. 301 p.
53. L' or des Scythes, 1991–L'or des Scythes. Trésors de l'Ermitage / Ed. Cahen-Delhay A. Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire, 1991. 263 p.
54. Robert C. Gryps // Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. VII Band. Stuttgart, 1912.
55. Piotrovsky V., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad: Aurora. Oxford: Phaidon, 1987. 183 p.
56. The Treasures..., 1991 – The Treasures of Nomadic Tribes in Russia (Catalogue of Exhibition). Tokyo-Kyoto: The Ancient Orient Museum, 1991. 179 p.

References (transliterated):

1. Artamonov M. I. Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. Praga: Artiya. Leningrad: Sovetskii khudozhnik, 1966. 270 s.
2. Artamonov M. I. Proiskhozhdenie skifskogo iskusstva // SA. 1968. № 4. S. 27–45.

3. Bidzilya i dr., 1977 – Bidzilya V. I., Boltrik Yu. V., Mozolevskii B. N., Savovskii I. P. Kurgannyi mogil'nik v urochishche Nosaki // Kurgannye mogil'niki Ryasnye mogily i Nosaki / Red. Bidzilya V. I. Kiev: Naukova dumka, 1977. S. 61-158.
4. Bidzilya V. I., Polin S. V. Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila. Kiev: Izdatel'skii dom «Skif», 2012. 752 s., 780 ill.
5. Bobrinskii A. A. Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely. T. 2: Dnevnik raskopok 1887–1889 gg. SPb.: Tipografiya V. S. Balasheva i Ko, 1894. 232 s., 24 tabl.
6. Bongard-Levin G. M., Grantovskii E. A. Ot Skifii do Indii. Drevnie arii: mify i istoriya. SPb.: Aleteiya, 2001. 223 s.
7. Vinogradov V. B. Tsentral'nyi i Severo-Vostochnyi Kavkaz v skifskoe vremya (VII-IV veka do n. e.). Groznyi: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. 386 s.
8. Galanina L. K. Kelermesskie kurgany (Stepnye narody Evrazii, 1). M.: Paleograf, 1997. 316 s.
9. Galanina L. K. Kubanskoe uzdechnoe snaryazhenie IV v. do n. e. (po materialam Elizavetinskogo kurgana, raskopannogo N. I. Veselovskim v 1913 g.) // ASGE. Vyp. 37. SPb., 2005. S. 97-108.
10. Grakov B. N. Skify. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1971. 200 s.
11. Gulyaev V. I. Na vostochnykh rubezhakh Skifii (drevnosti donskikh skifov). M.: IA RAN, 2010. 346 s.
12. Zhizn' zhivotnykh v 6 tomakh. T. 5: Ptitsy / Red. Gladkov N. A., Mikheev A. V. M.: Prosveshchenie, 1970. 675 s.
13. Illins'ka V. O. Skifs'ka vuzda VI st. do n. e. // Arkheologiya. XIII. 1961. S. 38-61.
14. Il'inskaya V. A. Nekotorye motivy ranneskifskogo zverinogo stilya // SA. 1965. № 1. S. 86-107.
15. Il'inskaya V. A. Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh'ya. Kiev: Naukova dumka, 1968. 203 s.
16. Kantorovich A. R. «Petushki» – odin iz obrazov zverinogo stilya stepnoi Skifii // Grakovskie chteniya na kafedre arkheologii MGU 1989-1990 gg. / Red. Shchapova Yu. L., Yatsenko I. V. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1992. S. 30-39.
17. Kantorovich A. R. Klassifikatsiya i tipologiya elementov «zoomorfnykh prevrashchenii» v zverinom stile stepnoi Skifii // Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkheologii. T. 1. / Red. A. V. Evglevskii. Donetsk: DonNU, 2002. S. 77-130.
18. Kantorovich A. R. Istoki i variatsii obraza baranoptitsy (grifobarana) v ranneskifskom zverinom stile // Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke. Pamyati M. P. Abramovoi (1931-2003) / MIAR № 8 / Red. Kozenkova V. I., Malashev V. Yu. M.: IA RAN, 2007. S. 235-257.
19. Kantorovich A. R. Meoto-skifskoe iskusstvo Prikuban'ya (VII – nachalo III v. do n. e.) // Antichnoe nasledie Kubani: V 3 t. Tom 1 / Red. Bongard-Levin G. M., Kuznetsov V. D. M.: Nauka, 2010. S. 286-314.
20. Kantorovich A. R. K voprosu ob istokakh i variatsiyakh obrazov grifona i grifonopodobnykh sushchestv v ranneskifskom zverinom stile VII-VI vv. do n. e. // Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchينوi. Trudy GIM. Vyp. 191 / Red. Zhuravlev D. V., Firsov K. B. M.: GIM, 2012. S. 106-133.
21. Kantorovich A. R. Problema khronologii obraza baranoptitsy (grifobarana) v ranneskifskom zverinom stile // Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo arkheologa Mikhaila Petrovicha Gryaznova. Kniga 2. SPb.: IIMK RAN, «Periferiya», 2012. S. 362-370.
22. Kantorovich A. R. Problema klassifikatsii izobrazhenii skifo-sibirskogo zverinogo stilya (istoriograficheskii ocherk) // RA. 2014. № 3. S. 156-164.
23. Kantorovich A. R., Erlikh V. R. Bronzolitinoe iskusstvo iz kurganov Adygei VIII-III vv. do n. e. M.: Gosudarstvennyi muzei iskusstva narodov Vostoka, 2006. 212 s.
24. Kisel' V. A. Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. 192 s.
25. Korol'kova E. F. Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII-IV vv. do n. e.). SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 272 s.
26. Leskov O. M. Skarbi kurganiv Khersonshchini. Kiiv: Mistetstvo, 1974. 123 s.
27. Mantsevich A. P. Kurgan Solokha. Publikatsiya odnoi kolleksii. Leningrad: Iskusstvo, 1987. 143 s.
28. Marchenko i dr., 2001 – Marchenko I. I., Limberis N. Yu., Bochkovoi V. V. Novyi meotskii mogil'nik u khut. Prikubanskii // Mezhdunarodnaya tret'ya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya (teziy dokladov). Anapa-Krasnodar, 2001. S. 91-99.
29. Mozolevskii B. N. Skifskii tsarskii kurgan Zheltokamenka // Drevnosti stepnoi Skifii / Red. Terenozhkin A. I., Mozolevskii B. N., Chernenko E. V. Kiev: Naukova dumka, 1982. S. 179-222.
30. Mozolevskii B. N. Malyy Chertomlyk // Skify Severnogo Prichernomor'ya / Red. E. V. Chernenko. Kiev: Naukova dumka, 1987. S. 63-73.
31. Ostroverkhov A. S., Okhotnikov S. B. O nekotorykh motivakh skifskogo zverinogo stilya na pamyatnikakh iz sobraniya Odesskogo arkheologicheskogo muzeya // VDI. 1989. № 2. S. 50-67.
32. Petrenko V. G. Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ya v V-III vv. do n. e. SAI D1-4. M.: Nauka, 1967. 180 s.
33. Petrenko V. G., Maslov V. E., Kantorovich A. R. Khronologiya tsentral'noi grupy kurganov mogil'nika Novozavedennoe-II // Skify i sarmaty v VII-III vv. do n. e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya / Red. Gulyaev V. I., Ol'khovskii V. S. M.: IA RAN, 2000. S. 238-248.
34. Petrenko V. G., Maslov V. E., Kantorovich A. R. Pogrebenie znatnoi skifyanki iz mogil'nika Novozavedennoe-II (predvaritel'naya publikatsiya) // Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznoogo veka yuga Rossii. MIAR № 6. M., 2004.
35. Pogrebova N. N. Grifon v iskusstve Severnogo Prichernomor'ya v epokhu arkhaiki // KSIIMK. KhKhII. 1948. S. 62-67.
36. Pogrebova M. N., Raevskii D. S. Rannie skify i drevnii Vostok. K istorii stanovleniya skifskoi kul'tury. M.: Nauka, 1992. 268 s.
37. Polos'mak N. V. Steregushchie zoloto grify (Ak-alakhinskii kurgany). Novosibirsk: Nauka, 1994. 124 s.
38. Puzikova A. I. Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (publikatsiya kompleksov). Moskva: Indrik, 2001. 272 s.
39. Raevskii D. S. Mir skifskoi kul'tury. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 600 s.
40. Skorii S. A. Kurgan Perep'yatikha (do etnokul'turnoi istorii Dniprovskogo Lisostepovogo Pravoberezhzhyia). Kiiv: Naukova dumka, 1990. 124 s.

41. Chezina E. F. Ranneskifskie zoomorfnye psalii iz Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya // SGE. LII. Leningrad, 1987. S. 25-28.
42. Cheremisin D. V., Zaporozhchenko A. V. «Sakral'nye tsentry» Evrazii na Altae, na Enisee i legenda ob arimaspakh i grifakh v sovremennykh interpretatsiyakh // Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999. S. 228-231.
43. Shkurko A. I. Fantasticheskie sushchestva v iskusstve Lesostepnoi Skifii // Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoi Evropy. Chast' vtoraya. Trudy GIM. Vyp. 54 / Red. Talis D. L. M.: GIM, 1982. S. 3-8.
44. Yatsenko I. V. Iskustvo skifskikh plemen Severnogo Prichernomor'ya // Istoriya iskusstva narodov SSSR: V 9 t. / Red. Veimarn B. V. M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1971-1984. T. 1. 1971. S. 116-137.
45. Yatsenko I. V. Iskustvo epokhi rannego zheleza // Proizvedeniya iskusstva v novykh nakhodkakh sovetskikh arkheologov. M.: Iskustvo, 1977. S. 80-99.
46. Akurgal E. The Art of the Hittites. New York: H.N. Abrams, 1962. 315 p.
47. Azarpay G. Some classical and Near Eastern motives in the art of Pazyryk // Artibus Asiae. Vol. XXII. № 4. 1959. P. 313-339.
48. Frankfort H. Cylinder seals. L.: Macmillan, 1939. 328 p.
49. Furtwängler A. Gryps // Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig, 1886-1890.
50. Ghirshman R. Protoiranien, Meder, Achämeniden. Universum der Kunst. Bd. 5. München, 1964.
51. Leskov A. M. The Maykop Treasure. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2008. 304 p.
52. L' or des Amazones, 2001 – L' or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C.-IVe siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars – 15 juillet / Ed. Shiltz V. Paris: Paris musées, 2001. 301 p.
53. L' or des Scythes, 1991-L'or des Scythes. Trésors de l'Ermitage / Ed. Cahen-Delhay A. Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire, 1991. 263 p.
54. Robert C. Gryps // Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. VII Band. Stuttgart, 1912.
55. Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad: Aurora. Oxford: Phaidon, 1987. 183 p.
56. The Treasures..., 1991 – The Treasures of Nomadic Tribes in Russia (Catalogue of Exhibition). Tokyo-Kyoto: The Ancient Orient Museum, 1991. 179 p.